

## ПРОЛОГ



### *Пятнадцать лет назад*

**П**отом будут говорить, что конь был размером с верблюда, да нет, со слона, что от взгляда его, словно поражённые молнией, обугливались люди, что он выдыхал дым, и дым этот пах серой и горящей смолой, что вместо копыт у него были лапы с когтями, а питался он исключительно сырым мясом, и что не белое пятно в форме бычьей головы было у него на лбу, а вся голова была бычьим черепом, только без рогов, а глаза метали огонь. Что двенадцать коноводов не могли удержать его удила...

На самом деле было так: на небольшом пригорке стояла группа мужчин, человек восемь, и двое из них были в шлемах, при копьях и красных щитах, а остальные одеты как простые зажиточные горожане. Ещё только начинался артемисий<sup>1</sup>, с гор тянуло холодными ветрами, поэтому кое-кто зяб-



<sup>1</sup> Название месяца (с половины марта до половины апреля) в спартанском и македонском календарях. — *Здесь и далее примеч. авторов.*

ко кутался в плащи из грубой коричневой шерсти. Стоящий впереди могучий человек плащ тоже накинул, но через одно плечо; голая грудь его была открыта, как у горца. Он был одноглаз; на месте второго глаза багровел безобразный шрам.

Под приговорком прогоняли табун голов в двести. Тяжёлые фессалийские кони<sup>1</sup> вздымали копытами белую лёгкую пыль, слышен был посвист бичей и крики табунщиков. Одноглазый изредка показывал на ту или другую лошадь, и их тут же оттесняли в сторону.

— Негодный табун, Леонид, клянусь Посейдоном, покровителем коней<sup>2</sup>, — сказал одноглазый, обращаясь к спутнику, человеку явно старше себя. — Едва ли десятая часть будет пригодна.

— Ты слишком переборчив, царь, — отозвался Леонид без всякого почтения. — Обычный всадник даже в полной броне куда легче тебя. Вон, посмотри, тот вороной — какой красавец!

— Слишком тонкие бабки и слишком большая голова, — сказал царь. — И не вороной, а вообще непонятно какой масти. Да, обрати внимание, как он прижимает уши. Такого невозможно объездить, он сбросит тебя рано или поздно. Боевой конь должен быть послушен, как рабыня, и силен, как бык, а норов ему ни к чему.

— Мне он тоже нравится, отец, — сказал невысокий юноша из-за спины царя.



<sup>1</sup> Славились красотой, смелостью и выносливостью; Фессалия — область в Древней Греции.

<sup>2</sup> В древнегреческой мифологии — бог морей, один из трёх главных богов-олимпийцев. Кроме того, был покровителем коневодства и имел прозвище Гиппий (Конный). В колесницу Посейдона были запряжены гиппокампусы — морские лошади с рыбьими хвостами.

— Вот уж тебе он точно не по росту, — ухмыльнулся царь. — Тебя он просто не заметит на себе — подумает, что ворона села.

— Знаешь что, — юноша не отрывал глаз от коня, — а давай поспорим? Я объезжу его за полчаса, а ты мне его купишь и приплатишь двадцать статеров<sup>1</sup>.

— Наглец, — добродушно сказал царь. — Если ты с него свалишься, твоё лечение обойдётся мне ещё дороже. И какой смысл спорить, если я проигрываю в обоих случаях?

— Я отдам тебе своего секретаря-египтянина, который умеет читать по губам.

— Оказывается, в моём царстве есть что-то, чего я не знаю! — засмеялся царь. — Хорошо, Александр, ты удивил меня. Леонид, Птолемей, подойдите сюда. Мы с сыном заключили залог! Если он сейчас объезжает вон того жеребца, то получает его и двадцать статеров золотом. А если падает и разбивается, то отдаёт мне своего раба, который ему всё равно понадобится не скоро!

Призвав богов, ударили по рукам.

Александр неторопливо спустился с пригорка, наматывая на руку волосяную верёвку. Табунщики погнали на него указанного жеребца. Вблизи он оказался больше, чем выглядел со стороны... Александр метнул петлю и сразу попал; почуя удавку на шее, жеребец заплясал, встал на дыбы, потом постарался совершенно по-собачьи сбросить петлю передним копытом. Удерживая натяжение, Александр приблизился к коню. С другой стороны подоспел один из табунщиков, держа наготове узду. Вдвоём они сноровисто накинули узду на голову коня, и царевич ослабил петлю. Решив,



<sup>1</sup> Статер — серебряная античная монета.

что он уже на свободе, конь взвился и поскакал — однако на спине его уже сидел всадник...

Тогда конь заиграл. Один раз ему даже удалось сбросить настырного человечешку, но тот легко перекатился под копытами, подхватил верёвку с петлёй и подтянул коня к себе. Взялся за удила, пригнул голову, долго смотрел в косящие глаза без белков. Потом потрепал между ушей — и снова неуловимым движением оказался на спине.

Теперь конь понёсся, всё набирая скорость и, наверное, собираясь встать как вкопанный, чтобы мальчишка перелетел через его голову. Но мальчишка, натягивая удила, несколько раз расслабленной рукой, как плетью, огрел его по голове, и конь передумал так шалить. Они неслись по долине, и свистел ветер...

Уже ближе к вечеру Александр прискакал к палаткам, где остановился царь. Бросил удила рабу, сказал: «Обиходь». Откинул полог, вошёл. Не спрашивая, налил себе полный кубок вина.

— Это великий конь, — сказал он. — Это лучший конь в мире. Таких нет больше.

— Да ну? — не поверил царь.

Александр выпил кубок до дна, бросил его на пол.

— Я обогну на нём Ойкумену<sup>1</sup>, — сказал он. — Всю Ойкумену — от одного берега Океана до другого, а потом от юга к северу... Нарекается Буцефалом<sup>2</sup>.

— Хорошее имя, — засмеялся царь. — Жаль, что я не догадался назвать тебя так...

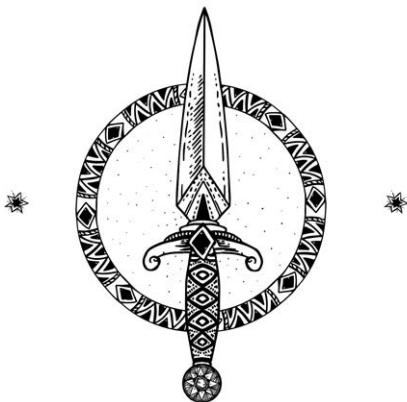
Они обнялись.



<sup>1</sup> Ойкумена — «обитаемая земля» (гр.-греч.).

<sup>2</sup> Буцефал — «быкоголовый» (гр.-греч.).





## Глава 1. БОЛЬШАЯ МЁРТВАЯ ПТИЦА И НЕПОНЯТНО КТО



**Ш**еру!  
Сверху упала здоровенная шишка. Потом, рассыпаясь трухой, — половина старого гнезда какой-то дурной птицы. Кому из нормальных птиц придёт в пустую голову мысль вить гнездо в ведьмином лесу?

— Шеру, быстро домой. Или пойдёшь пешком.

По земле Шеру перемещался совершенно бесшумно, а вот по деревьям... по деревьям он ходил, как старый ёж по сухим кустам. Не так давно Ягмара видела, как он перепрыгнул с одного сухого дерева на другое — и едва не сломал оба. Она сама прыгнула бы тише.

Наконец кот неторопливо появился из-за толстого корявого ствола и разлёгся на нижнем суку. Ягмара потихоньку тронула Лошадку, проехала под ним, выставив левую руку углом. Кот невесомо слетел на руку, потом по спине всадницы перетёк на толстую войлочную попону на крупе Лошадки, поёрзал немного и развалился там. Ягмара потрогала его пятками.

Кот мощно заурчал, высказывая полное довольство.

Он очень любил такие прогулки — по лесным тропам, по берегу реки, по лугам, по дорогам между полей. И не любил по городу. Спрашивать, почему так — было делом совершенно бессмысленным. В городе он владел целым домом, вот и всё. Наверное, в доме он поддерживал какой-то порядок, разгоняя мелкую назойливую нечисть. Но на весь большой город сил его не хватало, и Шеру предпочитал города не замечать...

Ягмара и сама время от времени чувствовала что-то подобное.

С той ночи, когда чёрный заморский колдун на глазах множества народа унёс её отца, вцепившегося колдуну в длинную бороду и отчаянно рубившего его обломком меча, и к ней, и к матери стали относиться с огромным уважением, но и с опаской. И женихи не вились за Ягмарой, хотя ей давно минуло пятнадцать лет и осенью будет уже шестнадцать. Не досадуй, доченька, говорила мать, горстями только мелкий речной жемчуг сыплется...

Впрочем, Ягмара не особенно тяготилась своим не в меру затянувшимся девичеством. Как внезапно выяснилось, владения отца не ограничивались городским домом да половинной долей в караванной артели. Ему принадлежали многочисленные табуны и выгулы в Заречье, богатые рыбные ловы на протоках Доны<sup>1</sup>, пруд и мельница неподалёку от Царской дороги, хлебные склады. Никто не сомневался, что за Ягмарой дали бы весьма достойное приданое, — да вот только отец, владелец всего этого, находился в длительной безвестной отлучке...



<sup>1</sup> Река Дон.

К Вальде, матушке, время от времени то от самого царя Додона, то от купцов, компаньонов отца, подсылали советчиков: по суду-де можешь счесть себя сирой вдовой либо брошенкой, самой, как положено, замуж выйти, дочку выдать... Вальда отвечала тихо, размеренно, вежливо, — а вот случившаяся однажды при таком разговоре Ягмара сдёрнула со стены тяжёлый плетёный ременной кнут — и очень плохо пришлось бы наглецу, да мать за него заступилась: не по своей он воле просит, подневольный человек, посланец...

Дед Вергиз почти насовсем перебрался тогда в их дом, хоть и не положено это было по обычаям города, но кто посмеет указывать судьбе на обычаи? Много хозяйственных забот и невзгод он взял на себя, но притом и дочка его с внучкой никогда не сидели без дела. И так было до проклятой прошлой зимы, когда деда вдруг в одночасье не стало — слез с коня, вошёл в дом и грянулся во весь рост...

По полгода и больше Ягмара жила в степи, перегоняя дальние табуны; сама лицом и повадками похожа была на кочевницу и многие законы и обычаи кочевые понимала. Так что в городском доме она теперь чаще просто гостила, проверяла, как тут всё без неё, а потом снова возвращалась в степь. Всё больше степь становилась домом.

Ну да, и Шеру...

Была бы хоть малая возможность, она бы забрала его с собой, но кочевники с непонятной подозрительностью и враждебностью относились ко всем степным кошкам, считая их почему-то предателями рода людского, и невозможно было объяснить, что вот этот, с полосками на лбу, — этот наш, всей кровью наш, за нас — и не предаст никогда. Поэтому приходилось каждый раз вот так: расставаться и возвращаться.

Гулять вместе, потом валяться и бороться на ковре, потом гонять мелких домашних нечистиков...

Шеру услышал далёкий непонятный шум раньше всех и поднял тревогу: зашипел.

То ли в ответ на это шипение, то ли тоже услышав непонятный шум, запрядала ушами Лошадка и затанцевала, крутя головой и фыркая.

И тогда уже услышала Ягмара какое-то уханье, посвист, клёкот — наверху? позади? впереди? Как будто со всех сторон сразу, как будто переменчивый ветер нёсся по весенним кронам, но это был совсем не ветер...

На миг потемнело.

Ягмара подняла голову, пытаясь сквозь негустые ветви рассмотреть, что там наверху творится, и сильно в стороне увидела косо падающее тёмное что-то. Потом раздался характерный треск, испуганный вскрик, удар плотным по твёрдому — и шум, который трудно спутать с чем-то ещё: шум падающего дерева.

И снова удар...

Стало тихо.

Ягмара оглянулась на кота. Кот почти лежал — распластавшись, оскалившись, зажмурившись и прижав уши. Она редко видела его таким.

— Надо пойти посмотреть, — сказала она вслух. Для себя. Потому что... как-то совсем не хотелось...

Мало ли что может упасть с чистого неба.

Ягмара спешила, постояла, немного потопталась на месте. В первую очередь надо было восстановить связь с землёй. Ведьмин лес был необыкновенно чуток. Деревья тут в основном росли высокие и тонкие — не большие, а так положено. Редко-редко среди них попадались тяжёлые, охватистые



и раскидистые сосны и дубы-великаны. Тонкие деревья охотно роняли на землю высыхающие хрусткие веточки. А всю землю выстилал густой белесоватый мох. Поэтому, если идти грубо, при каждом шаге будешь давать о себе знать — обязательно подвернётся под ногу невидимая звонкая ветка...

Идти надо чутко, умело.

Ягмара не стала привязывать Лошадку. Лошадка умная, сама без спросу никуда не уйдёт, а если что — убежит и кому надо расскажет... Натянула мягкие сапожки, раскатала штаны из толстого светло-серого комача<sup>1</sup>, чтобы зря не царапать ноги. Достала из выючка старый отцовский охотничий выцветший серо-зелёный кофт — более подходящий для леса, чем её собственный наряд цвета сухого песка. Шеру трижды прошёлся вокруг неё, плотно прижимаясь к ногам. Одобрил.

Лёгкий птичий лук она брать не стала — против того, кто валит деревья, он не поможет. Проверила, как ходит в ножах старый железный нож с берестяной рукоятью, и шаг за шагом, разгоняясь понемногу, пошла, потом легко побежала — уже заранее зная, куда ставить ногу, чтобы под ней ничто не затрещало, — к месту чьего-то падения. Мох пружинил и молчал.

Рядом и чуть впереди бесшумным полосатым рыжим облаком скользил Шеру.

Бежать пришлось много дальше, чем показалось поначалу.

За заросшей влажной ложбиной начинался уже совсем другой лес — сухой, выветренный, прибрежный. Здесь Яг-



<sup>1</sup> Комач (*тирк.*) — окрашенная грубая ткань, не шерстяная (лен, конопля). Русское слово «кумач» — производное от «комач».

мара увидела первые следы чьего-то падения с небес — деревья со сбитыми верхушками. Она осмотрелась, не переставая бежать, и в ложбине, в зарослях черёмухи, увидела здоровенную сосновую ветвь, совсем свежую. Сосна стояла... вон там. Значит...

Она остановилась, оглянулась, сделала несколько шагов в сторону — и теперь вдруг увидела всё.

В тонких деревьях по эту сторону лощины была пробита широченная дыра, сказочный зверь индрик<sup>1</sup> пройдёт, — а в самом конце дыры, среди изломанных и расщеплённых деревьев, лежала неподвижно огромная чёрная птица; одно крыло торчало прямо вверх, как корабельная мачта, и уцелевшие с синеватым отливом перья, каждое длиной в весло, шевелились на ветру.

— Хха-а... — сказал Шеру.

Он стоял на трёх лапах, правую переднюю приподнял и вытянул; когти сжимались и разжимались. Шерсть вдоль хребта поднялась, напряжённый хвост подрагивал.

— Спокойно, брат, — тихо сказала Ягмара.

Она перестала дышать и стала слушать лес.

Тихо.

Не в смысле — совсем тихо, а просто никаких нездешних лишних звуков.

Журчание листвы... а птицы в ведьмином лесу вообще всегда помалкивают. Кроме ранней весны...

— Пойдём, — шепнула она, — посмотрим поближе... Держись рядом.

Они потихоньку, шаг за шагом, приблизились к птице.



<sup>1</sup> Мифологический зверь, в данном случае — мамонт. Существует масса различных описаний, не совпадающих друг с другом.

Вблизи она была просто огромна, Ягмара никогда таких не видела, а касаясь того, что рассказывали... ну, мало ли что рассказывают. Про зверей с зубами наружу и хвостом на месте носа тоже рассказывают...

От птицы пахло, как от сильно запущенного курятника на солнцепёке. И мускусом. И чем-то незнакомым, но не менее противным.

И ещё от неё исходил жар, как от недавно протопленной печи.

Держась на всякий случай в нескольких шагах, Ягмара медленно обошла птицу вокруг. Птица лежала на боку, поджав одну чешуйчатую ногу и судорожно вытянув другую. Шея была длинная и покрытая перьями немного другого оттенка — блёклыми серо-коричневыми. Небольшая, сравнительно с телом, голова была свёрнута набок, мощный клюв раскрыт; глаза, не успевшие затянуться плевой, неподвижно и мёртво смотрели вверх, в недостижимое теперь небо.

Шеру вздохнул, успокоился и теперь только морщился от неприятного запаха.

Потом он поднял голову и прислушался. Что-то происходило там, дальше, куда птица не долетела.

Стараясь не спускать с птицы глаз, Ягмара переступила через поваленную, обломленную ударом у самого комля осину и увидела прикрытые ветками ноги в мягких рыжих сапогах...

Высвободить лежащего из-под кроны дерева оказалось нелегко, но Ягмара понемногу справилась.

Он был жив, но, похоже, сильно побился, поэтому она так долго и провозилась: боялась повредить сильнее. Парень, короткие белёдые волосы в запёкшейся крови, лицо

исцарапано до мяса, но глаза целы; дышит; руки и ноги вроде бы не переломаны, но проверять не стоило; а вот рёбра, наверное, уцелели далеко не все. Ягмара нашла поблизости и вырубилa небольшую ёлку, отсекала ветки с одной стороны и примяла с другой — так, чтобы получилась плоская волокуша. Осторожно перевалила парня на неё — головой к комлю, — прихватила его же кушаком, чтобы не свалился.

И шаг за шагом поволокла.

Шеру шёл рядом, ободрял.

Впрочем, тащить по мху было не так уж трудно — тем более, что можно не заботиться о бесшумности. Полсотни шагов — отдых. Ещё полсотни...

Лошадка услышала, умница, и пошла навстречу.

Тайная надежда Ягмары, что парень наконец очнётся и встанет на ноги, не оправдалась: он так же мерно дышал, но ни на что не реагировал.

Поэтому Ягмара, ворча себе под нос, соорудила волокушу посolidнее: из двух ольховых жердей, скреплённых поперечинами. Она уже давно тихо радовалась, что сегодня отправилась на прогулку, снарядив Лошадку по-киммерийски<sup>1</sup>: с надёжным шором-нагрудником и крепкими подпругами на медных пряжках, удерживающими седло-йехр из твёрдой варёной кожи с лёгким деревянным каркасом. К йехру киммерийцы цепляли различную дорожную поклажу, а также головы врагов, и седло было для этого прекрасно приспособлено. Реши она прогуляться по-скифски, на войлочной подушке, сейчас проблем было бы куда больше...



<sup>1</sup> Киммерийцы — кочевники, населявшие Закавказье, Малую Азию и Северное Причерноморье. Впервые зафиксированы в ассирийских источниках под названием «гимирру».

А могла ведь и вообще отправиться без седла. Но мать такое почему-то не одобряла.

Крепко прикрутив к йехру сыромятными ремешками концы волокуши, Ягмара затащила на неё найдёныша вместе с ёлкой — чтобы лишний раз не перекладывать; закрепила, проверила — будет держаться. Похлопала Лошадку по крупу, благодаря за ум и терпение, взяла под узду и повела к городу. И только тут вдруг сообразила, что мать, наверное, на мельнице — то есть втрое ближе, можно сказать, совсем рядом.

Это было просто замечательно.

